

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Первокурсница просит помощи. Часть 3

У большой лестницы входа в отель группками стояли студенты: девушки в дорогих мягких шубках, парни в небрежно расстегнутых ярких куртках.

Однокурсники перешучивались, окликали друг друга. Время от времени вспыхивал веселый смех.

Спрятавшись за толстой колонной, я невольно сравнивала свой серый толстенный пуховик с манким оперением моих сверстников. Надо спросить у Глеба с Семеном, купить ли мне куртку поярче. Я вздохнула и погрела ладошкой покрасневший от мороза нос.

Соседка Леночка отчаянно строила глазки белобрысому, дорого одетому парню. Который, в свою очередь поглядывал на Дарью, эффектную длинноногую красотку в снежно-белой шубке.

Со злорадством я обнаружила, что Леночка тоже выглядит не ах, меховый воротник ее куртки, как и весь вид в целом, был потрепан то ли молью, то ли жизнью, в общем не вау.

Когда за нами подъехал автобус, парней все-еще не было. Видимо задержались за завтраком или долго принимали душ. На сердце стало беспокойно, я занервничала, крутила головой, боясь пропустить их появление.

Наконец, почти все сели, и пришлось поплестись на посадку. Если парни раздумали отправляться на экскурсию, и поехали по своим делам (слышала как обсуждали музыкальный магазин), мне придется целый день провести под тычками Ленки.

Но грустить мне довелось недолго. Уже заноса ногу на ступеньку, я почувствовала как сильные руки приподняли меня за талию, помогая подняться в автобус. Оглянулась. Глеб. Ах. Лицо бывшего соседа выглядело расслабленным и довольным, он мазнул по мне взглядом и посмотрел поверх головы, выглядывая свободные места. За ним с пакетом в руках лез Семен. Увидев меня крепко, озорно подмигнул и тут же осклабил, уставившись на чью-то девичью попку, нагнувшуюся в проходе.

— Держите меня трое — заорал он, — вижу бампер невиданной привлекательности. Кто ты, о жопастая нимфа?

Вокруг посыпались смешки и личные данные о нимфе. Света, так оказалось зовут девушку, не торопясь выпрямилась, сдула со лба прядь и так же радостно завопила.

— Я твоя мокрая недостижимая мечта, о жирный глазастый сатир. — Мокрая? — обрадовался Сема, — иди сюда, ща проверю, не вводишь ли ты в заблуждение нас, наивных ботанов.

Пока они перекрикивались к явному удовольствию друг друга и слушателей, Глеб схватил меня за руку и потащил в самый хвост на единственные свободных места. Точнее была еще парочка одиночных, но совместные оказались только в дальнем последнем ряду, завершающим блоком из нескольких кресел от окна до окна.

Занято было только одно место, вихрастым худеньким пареньком с большой сумкой на коленях. С собой что-ли все вещи возит?

Меня затолкали к окну. Рядом сел Глеб, и последним прибежал довольный Сема. — Я б вдул, — азартно прошептал он, скаля зубы, — вроде она не против дать, как думаешь? — Кто, Света-бампер? — Глеб стянул свою куртку и принялся стаскивать мою — даст, конечно. Ты ей приглянулся.

Сема хекнул и забрал у соседа куртки, закинув их на верхнюю сетчатую полку. — Дегустну,

если без кочевряжа. Танцевать бабу даже с бампером не буду, лень мне, хех. Если закапризничает, ну ее, пусть сопливых ищет — Сема зевнул и плюхнулся рядом с Глебом, вытянув ноги в проход, — Ух, бро, настроение нормалек.

Глеб обхватил меня рукой за шею, согнув локоть. Я полузадушенно мявкнула. — Ага, отличный завтрак. Да и утро в целом. Пальцы погладили меня по губам.

— Давай после экскурсии в магаз? Я позвонил, инструмент отложили.

Автобус тронулся. Парни тихо болтали. Я задремала и то просыпалась, до опять засыпала всю дорогу. Было очень тепло и спокойно, как будто я принцесса в сказке без злых ведьм и драконов.

Экскурсия оказалось неплохой. Мы смотрели дом давнишнего царя, которому надоел город, и он выстроил себе дачку. Естественно, царскую, с золотой лепниной и лабиринтом комнат.

Глеб чаще обычного подтаскивал меня поближе, но больше никаких знаков внимания не было. Моя привычная роль — молчаливый паж — оставалась при мне. В результате я совсем успокоилась, так как переживала, вдруг парни начнут меня как-то выделять, ну там на публику. И вот как бы я реагировала? Стыдно было бы ужасно.

На обратной дороге все сели на прежние места, но Сема почему-то пихнул меня в кресло Глеба. И тот молча сел у окна, согласившись с рокировкой.

Автобус мерно потряхивало под нудное гудение гида: «Посмотрите сюда, полюбуйте на это». Паренек по ту сторону от Семы тихо кемарил, опустив голову на свою огромную сумку. А я поняла зачем меня пересадили.

Широкая рука Семена ласково погладила меня на левой груди. — Как там наши пышечки? — муркнули мне в ухо. Я поняла что вопрос не требует ответа и скромно промолчала.

Расстегнув пару пуговиц его рука залезла под рубашку и с недовольством обнаружила бюстгалтер.

— Ну и на фига ты его напаялила? — Сема тренькнул бретелькой — Сбруя какая-то, больше не надевай эту хрень.

Глеб внимательно следил за путешествиями наглой руки. Я уже заметила, что ему нравится сначала смотреть.

Все пуговицы были безжалостно расстегнуты, и я прикусила губу, чувствуя себя неудобно. Вроде мы сзади и все такое, но на улице день, светло, вдруг кто подойдет или сосед проснется, да мало ли.

— Не надо, — подала я голос. Чем вызвала поднятую бровь Глеба и возмущение Семена. — Обурела ты, малышка, — преувеличенно нежно прошептал он и вздернул меня на ноги. Тельце развернули лицом к судьям. И вот я стою между преувеличенно расслаблено сидящими парнями. Позы-то вальяжные, а лица как у хищников, почувявших добычу.

— Желание дамы — закон для джентельмена — Сема аккуратно застегивает на мне рубашку — Только где эти джентельмены нынче? Нет их. — и так же не торопясь расстегивает мои джинсы. Сначала пуговицу, потом молнию.

Оглядывает сжавшуюся фигурку и стягивает джинсы вниз вместе с трусиками.

К его величайшему удивлению это дается не просто. Под больше размерными рубашками было не заметно, что это не я квадратненькая, это бедра у меня округло-пышные при вполне тонкой талии. Не ровненькая модель я, а с резкими изгибами в женских местах.

Гид вещает, автобус едет, парни переглядываются.

— Света, говоришь бампер? — Глеб обводит округлость бедра и запускает руку назад, сжимая

и отпуская попку. Я дергаюсь. Переступаю стреноженными ногами и намертво вцепляюсь в ручки у впереди стоящих кресел, подрагивая от испуга. Сопротивляться я не могу, поэтому каменею, прижимаюсь попкой к спинкам кресел и трясусь.

Семен неверяще оглаживает изгиб бедра с другой стороны, пытается пролезть между мной и спинкой, чтобы ощупать попку, но я вжимаюсь в кресло так, как будто от того, дам попрогать попку или нет — зависит моя жизнь.

Друзья хмыкают и обращают внимание на другой объект, о котором я, дурында, забыла. — Эффектно, но джунгли не зовут — издевается крепыш и ласково проводит пальцами по лобку. Я мелко моргаю и решаю просто перетерпеть стыдную ситуацию. Пошутят и успокоятся. Ведь они мне обещали позаботиться.

Рука ласково поглаживает и поглаживает по топорщащимся волоскам, успокаивает как норовистую кобылку. Я ловлю напряженный взгляд Глеба в точку контакта лобка и руки, вздрагиваю от стаи мурашек тоненького острого удовольствия.

За мои ноги тянут с двух сторон, расставляя их шире. Семен ловит момент и осторожно пальцами раздвигает складочки, удерживает их раскрытыми. Я судорожно вздыхаю, когда два пальца другой его руки аккуратно обхватывают узелок клитора и начинают его мягко мять.

Еле отрываю одну свою судорожно вцепившуюся в поручень руку и засовываю кулак костяшками в рот. Потому что мне хочется выть, так горячо и волшебно работают два Семиных пальца.

— Потекло, — удовлетворенно резюмирует он, и шире раздвигает пальцы-ножницы, удерживающие большие половые губки.

Оба приятеля сосредоточенно пялятся на мои открытые мокрые складочки и покрасневший клитор в мужских пальцах. — Мне крупные нравятся — замечает Глеб — его можно растянуть? — Черт его знает, — Сема шепчет немного задыхаясь, как будто бежал — могу порастягивать, мне любые нравятся. Побольше, в принципе, даже удобнее.

И он тянет за клитор. Но тот скользит, и в пальцах оттягивается только прикрывающая его кожа. Я пихаю кулак глубже в рот, потому что это очень, очень, очень хорошо.

— Давай я попробую. — Глеб деловито лезет, отстраняя пальцы Семены, пытается ухватиться и соскальзывает.

Они оба елозят в щелочке, щипаются и перетирают. Из моих глаз катятся слезы от напряжения, но они это не замечают. Я отчаянно моргаю, и внезапно холодею от ужаса.

Распахнув глаза за нами наблюдает абсолютно не сонный сосед. Положив голову на сумку, этот дрыщ пялится мне между ног. Кончик узкого розового языка появляется и порочно облизывает узкие губы.

Пытаясь сжать ноги, и сразу зарабатываю пару болезненных щипков. Семен окончательно отодвигает любопытствующего Глеба и так сосредоточенно трет, что мне становится все равно кто и как на меня смотрит.

Мысли только — как бы не заорать, и — как же мне хорошо. Как же мне мне хорошо!!!

Пальцы скользят уже по совсем мокрой вагине, она изнутри нежно розовая, с маленькими сомкнутыми губками и покрасневшим бутончиком на вершине. Сема полностью сосредоточен на бутоне. Он трет, нежно поглаживает, обводит кругами и снова и снова перетирает клитор.

В угоду Глебу иногда крепко хватает и оттягивает капюшончик. Теперь у него это почему-то

получается без соскальзываний.

Помогая ему, Глеб растаскивает складочки капюшона в стороны, Семен прижимает мокрый толстый палец напрямую к тоненькой розовой пленке внутренней открывшейся косточки клитора, я вздрагиваю и начинаю тихо повизгивать.

Он нежно трет и я кончаю. Трет и кончаю. Они смотрят как судорожно сжимается, подергивается влагалище. Дырочка скрыта внизу, и ее рывки на внешних видимых контурах превращаются в подергивание.

Клитор, под отогнутым вбок пальцем для открытия полного вида, набух до багровости и тоже трясется. Невольный четвертый участник — этот притворявшийся спящим дрыщ, смотрит открыв рот.

Моя тушка обессиленно падает вперед, у меня дрожат ноги. Чувствую как заботливо натягивают джинсы, меня поудобнее устраивают в кресле. Семен наклоняется и иронизирует:

— Ну вот, а ты боялась. Даже юбка не помялась. Рука Глеба опускается мне между ног.

— Сем, предлагаю магазин завтра. А сегодня посидеть в номере.

— Ну его, этот магазин — весело соглашается Семен, — в номере куча дел. Я прям даже теряюсь, с чего начать.

Когда мы доезжаем до гостиницы, между ножек все растоплено и мокро, потому что всю оставшуюся дорогу горячая рука Глеба неостановимо гладит и гладит меня по межбрючному шву. Причем как-то не попадая на шов, то слева от него, то справа. Зато попадая на какие-то мне ранее неизвестные чувствительные точки, которыми, оказывается, сплошняком покрыт мой лобок. Точки удовольствия.

В гостинице меня раздевают быстро. Раз и голенькая. Я вызываю чуть не слезы умиления у Семы. — Кукленьш наш Катенька. — он умильно гладит меня по ягодицам и звонко в них целует — Что ж ты молчала, чего пряталась, малая?! Я б на ту Светку и глазом не моргнул! Максимум — пару раз помацал.

Сема захохотал и потащил меня в ванну.

Под мои вскрики и пiski, он начинает брить мне промежность. Глеб держит меня за руки, чтобы не мешала мельтешением. Сема пытается фиксировать ноги, но у него не совсем хорошо это получается, поэтому один небольшой порезик на лобке я зарабатываю. После этого замираю и веду себя скромно, только для вида канюча. — Мальчики, — пишу я — я боюсь, я же еще никогда.

Сема завершает брить, оглаживает совсем голенький лобок и философски замечает: — Глебыч вон тоже, считай девственник, и ничего, надо значит сделает.

Я вытаращиваю глаза, Глеб яростно сверкает глазами и дает Семе подзатыльник. Но больше не протестует, только мягко улыбается и щипает за сосочки.

Тут я понимаю, что голая. Я совсем голая. Они меня так закружили, что соображать перестала. В итоге я лежу одна на сдвинутых вместе кроватях и пытаюсь прийти в себя.

А парни по очереди идут в душ и общаются через открытую дверь. — Слышь, я понимаю, что типо ты первый ее знаешь, и все такое. Но тут же ювелирно нужно, аккуратненько. Тут мастер нужен, опытный, ну согласись.

Недовольное бурчание. — Нет.

— Да, блин, Глебыч, я разве для себя? Девка горячая, чувствительная, тут не запороть надо. Чтоб ей в кайф.

Ответный рык. — Уж справлюсь как-нибудь.

— Ты бро мой, Глеб, но вот что я скажу. Это ты смотреть да терпеть можешь. А меня с автобуса разрывает. Я человек тонкой организации, поэтому, хоть жопой об лед, но натяну сразу.

Два товарища, обвязанные только полотенцами стоят друг на против друга с недовольными лицами.

Я ахаю, пытаюсь обернуться в одеяло, и они оба медленно поворачивают в мою сторону головы.

— Знаешь, — Сема рассматривает меня внимательно, как будто первый раз видит, — можно и без очереди. — Это как? — Да как, как... Паритетно, блядь.

Сема подходит и впервые целует меня. Горячо, заботливо. Подсасывает мои дрожащие губы, и орудует порочным языком так, что я не отслеживаю, когда его пальцы оказываются у меня между ног.

Он мягко подталкивает меня к Глебу, который лежит на кровати и поглаживает своего узкого змея. Сема укладывает меня прямо на грудь Глебу, и теперь я целуюсь уже с ним. Первые поцелуи в моей жизни.

Пока мы целуемся, меня потирают и немного растягивают. Сема использует какой-то крем, который самую малость щиплет. Я взбрыкиваю ножкой, и тут же получаю звучный шлепок по попке.

Щелочку продолжают растягивать, но теперь с поглаживанием клитора и звонкими шлепками, так что подрагивают ягодицы. Глеб целуется улетно. Мы сплетаемся языками, и сосем их друг у друга.

Он легонько приподнимает меня, и прислоняет свой член к мокрым складочкам, елозит по ним. В какую-то неуловимую секунду я чувствую нырок внутрь и далекую слабую боль.

Парень пьет мои дрожания и вздохи, замирает, позволяя ожесточенно сосать его язык. Боль отступает и во мне приятно покачиваются. Вдруг у устья появляется еще один трущийся посетитель. И... тыкается туда же.

Глебов член хорош для первого раза, не вызвал практически растяжения. Но что делает этот?!

А этот лезет в мою пострадавшую дырочку. Упорно. Я ору. Меня жестко сжимают за талию руки только что нежного со мной парня.

— Мальчики, нет... Мне страшно! Аа, — мне стыдно кричать, вдруг тут тонкие стены и меня услышат. Поэтому я надсадно шиплю.

Глеб неистово целует мои напряженные губы. А член Семена упорно толкается туда, где уже есть гость.

Меня приподнимают. И теплые пальцы сжимают трепещущий клитор. Глеб получает доступ и впивается в качающиеся перед ним груди.

Я кусаю губы и шиплю, мотая головой. А Семен заползает и заползает.

— Маятничком, — командует он надсадно. Оказывается присел сзади, и, поддерживая под бедра, именно он мастерски зажигает огонь моего бедного клитора.

— Это как? — спрашивает инструкцию Глеб, оторвавшись от моего соска. — Да выходи на хуй, аккуратно, но не полностью. А я зайду. Вход уже растряхали, должно выгореть.

— Вы совсем дураки? — жалобно взываю я. — Отпустите, я Вам каждому отсосу. Не надо так. Глеб начинает плавно выходить, вырывая из меня вздох облегчения, и тут заплывает Сема.

— Ааа — подвываю я. — Даа — вторит мне Семен. Он замирает, а потом медленно выходит.

Входит Глеб. Сема «маятничком» с трудом влезает во второй раз и выходит. Совсем.

— Будем считать, что первый раз ебали оба — довольно замечает он, и отпускает.

Глеб прижимает мое подрагивающее тело, слизывает со щек слезы, нежно целует в трепещущие губы. Его гладкий ствол ласково чуть подергивается в вагине, и я уже сама прижимаюсь, чтобы потереться клитором.

Мы ебемся. Нет, он меня ебет. Меня ебут в ноющую дырочку. Да. И это прекрасно.

Приподнимаюсь и наплываю. Прижимаюсь основой и опять поднимаюсь, чтобы насадиться до основания.

Поднимаю голову и ищу Семена. Он сидит рядом на корточках, вытирает член и щерится, глядя как двигается моя попка.

— Сем, — зову я. Он кивает. — Дай мне сейчас пососать. — Попроси, моя куколка. — Да, попроси его, котя. — стонет снизу Глеб.

— Семочка, дай мне в рот пососать свой вкусный член. — Хуй. — Что? — Членом я ссу. А ебу тебя в рот хуем. Проси хуй.

Несколько секунд прыгаю молча. — Котя, — подает опять голос Глеб — проси его хуй. И мой проси. Давай же.

Я тянусь за прянностями.

— Семочка, пожалуйста, милый, дай мне свой хуй в рот. Умоляю. потрахай меня рот, покормиии! — Вообще-то не потрахай, а выеби. Но ладно. Не до филармоний.

И я получаю в рот обожаемого крепыша. Они двигаются слаженно, стараясь попасть точно вместе и выбить из меня дух. Мои груди трясутся. Глеб кусает за соски, трясет их оттягивая, множа странное тягучее удовольствие во всем моем теле.

Сема придерживает голову и быстро бьет бедрами, заполняя весь рот. Его скольжения точны и идеальны.

— Это будет идеальная соска, лучшая соска в мире — хрипит он. — Еще, да, получи. Кааайф.

— Глеб теряет ритм и начинает дергаться как швейная машинка.

В меня начинают вливать. Я чувствую как наполняется влагалище. Глеб вбился и замер так глубоко, что сперма начиняет меня наверно под сердце. Сема как обычно остр и насыщен, я набираю полный рот и катаюсь в его сперме языком.

— Открой ротик, Катюш, — просит парень. И я послушно открываю рот, показывая полную спермы гортань и извивающийся в белом — красный язычок.

Мальчики наблюдают как я глотаю, и удовлетворенно распластываются на кровати.

Буквально минута, и они засыпают, как выключаются. С все еще топорщащимися членами.

А я остаюсь с ноющей промежностью, искусанными сосками и неудовлетворенная. Я то не кончила! Ну где справедливость, думаю я, засыпая рядом с двумя мужчинами, на простынях, испачканных моей кровью.

Где, блин, справедливость?